

Владимир
Шаров

Владимир
Шаров
Будьте
как дети

Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш26

Художественное оформление — *Андрей Рыбаков*

Шаров, Владимир Александрович.

Ш26 Будьте как дети : роман / Владимир Шаров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 448 с. — (Новая русская классика).

ISBN 978-5-17-100225-1

Владимир Шаров — писатель, под пером которого российская история приобретает совершенно фантастические черты. Провоцировать читателя, загадывать ему загадки, тем самым вовлекая в необыкновенное действо, — его манера.

В романе «Будьте как дети» Владимир Шаров пишет о событиях 1917 года, используя евангельскую притчу, и перед читателем проходят отряды беспризорников со всех концов России, маленький северный народ энцы, разбойники-душегубы, священники и шаманы, юродивые и блудницы, Ленин, жить которому осталось недолго. Все они идут в крестовый поход за светлым будущим, правда, каждый представляет его себе по-разному...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100225-1

© Шаров В.А.
© ООО «Издательство АСТ»

Памяти отца

В сентябре четырнадцатого года, когда наше наступление в Восточной Пруссии окончательно захлебнулось, Ставка Верховного командующего, не задумываясь, ввела в бой резервы. Были нанесены три контрудара. Основной — в Петрограде, Москве и прочих губернских городах: там толпы побили витрины сотен магазинов «Фрицев», «Гансов» и «Людвигов» и торжествовали победу — везде владельцы повывешивали таблички, где кириллицей крупными буквами было написано: «Извините, здесь не говорят по-немецки». И два вспомогательных фланговых, оба силами императорского Мариинского театра: в пятнадцатом году с его сцены разом исчезли воспевающие немецкий дух оперы Вагнера; кроме того, в знак солидарности с недавно оккупированной германцем Варшавой, там же, в Мариинке, дирекция внесла изменения в финал «Ивана Сусанина». Чтобы снять лишние вопросы, несчастных поляков теперь никто и никак не губил, они приняли смерть сами по себе — просто от мороза.

Вагнера заменили сочинения Римского-Корсакова: «Садко» и несколько позже — «Невидимый

град Китеж». Первую постановку публика встретила восторженно. Зал был переполнен, певшему заглавную партию Давыдову стоя кричали «браво» больше получаса. Еще важнее другое — обласканные верховной властью купцы и промышленники уже к концу пятнадцатого года удвоили выпуск гаубиц, а количество снарядов, полученных армией, увеличилось вчетверо. В результате весной шестнадцатого года линия фронта стабилизировалась, бои приняли затяжной, позиционный характер.

Сложнее оценить постановку «Китежа». Возможно, спектакль вышел неудачный, или тоскливый перезвон колоколов ушедших на дно озера Светлояр церковей вообще не был способен поднять пехоту в атаку. Во всяком случае, прослышав, что Святой град дано узреть лишь праведникам, что воды расступятся и он в прежнем великолепии всплывет из пучины прямо перед приходом Спасителя, солдаты раскаялись в грехах и, по донесениям командующих фронтами, весной-летом семнадцатого года, целыми армиями стали покидать позиции, уходить на его поиски.

В двадцать втором году, то есть пятью годами позднее, в Париж из эвакуированного Крыма через Геллиполи стали прибывать тысячи и тысячи беженцев — всё больше военные: офицеры, казаки. Уже было известно, что сотни их товарищей заживо утоплены красными на Кавказе, вблизи Туапсе, и в Крыму, севернее Судака. По-видимому, в помин душ убитых Дягилев тогда же, в рамках Русских сезонов в Париже, на сцене Гранд Опера заново поставил «Град Китеж» в декорациях покойного Чюрлениса, сразу сделавшегося знаменитым.

Задник — его обычные холсты зеленоватого цвета с какими-то водорослями, тростником, а поверх — чередующиеся, перебегающие полосы и струи чуть более светлого колера. Вдали через ту же мутно-зеленую пелену видны крепостные стены, а над ними — золотые купола и башни прекрасного города.

Иллюзия, что всё действие разворачивается под водой, полная. На фоне левой половины декорации длинная-длинная колонна офицеров. К ногам каждого веревкой привязаны большие камни или железяки. Этот их смертный груз тихо и ровно лежит на дне, но сами офицеры, поддерживаемые водой, как и должно, стоят во весь рост. Фигуры живые. Течение легонько колыхает тела, будто ветром треплет волосы. Такое ощущение, что они и впрямь, как привыкли за семь лет войны, походным строем маршируют к стенам покоящегося на глубине Китежа.

.....

Двадцать пятого января 1970 года не стало Сашеньки. И сама эта смерть четырехлетней девочки, и то, что было с ней связано, поразило каждого знавшего ее семью. Родители ребенка — Ваня Звягинцев и Ирина Чусовая — были моими друзьями детства. Обвенчались они еще на студенческой скамье, едва Ирине исполнилось восемнадцать; Ваня был на два года старше, но что когда вырастут, будут жить вместе, они, по-моему, знали всегда. Брак вышел удачный. В Библии сказано: жена да прилепится к мужу, и станут они как одно. У Вани и Ирины

так и получилось. На взгляд со стороны, в их отношениях не было экзальтации, не было и особой страсти, просто они всё время были друг другу необходимы, каждую минуту друг о друге помнили, друг в друге нуждались.

Жили они небогато, сначала на студенческие стипендии плюс небольшие суммы, которые подкидывали родители, позже были м.н.с. в институтах, тем не менее домой Ваня каждый день приходил с цветами. В общем, любовь, которая встречается лишь в женских романах. И как в тех же романах, печалило их одно: почти пять лет Ирина не могла родить. Беременела она легко, но дальше, хоть сразу и ложилась на сохранение, выкидывала. В двадцать три, после паломничества в Печерский монастырь, она наконец выносила, и ребенок, девочка, оказался сущим чудом.

В три месяца, когда дети еще боятся чужих, Сашенька всем улыбалась, ко всем тянула ручки. От нее будто и впрямь исходил свет, любой рядом с ней, словно иначе и быть не могло, начинал радоваться, улыбался, веселел. На похоронах никто и припомнить не смог, чтобы видел ее недовольной; бывало, конечно, что она печалилась, но никогда и ни на кого не сердилась. За месяц до смерти Саша заболела корью, следом пошли осложнения. Четыре дня температура держалась под сорок, и два врача — оба из наших близких друзей — говорили, что ребенок очень слаб, ручаться ни за что нельзя. Особенно плохо было в последнюю ночь: ни на какие лекарства, уколы девочка уже не реагировала, часами была без сознания. Пульс нитевидный, почти неслышное дыхание, пару раз ей

к губам даже прикладывали зеркальце: думали, она умерла.

Вечером, накануне этой ночи, когда положение еще не казалось безнадежным, Дуся, известная в Москве юродивая, походя заметила врачам: «Нечего без толку мельтешить, я уже выпросила ей смерть». И Ирине: «Сейчас она чистый ангел, умрет — сподобится Рая небесного, а дай вырасти — греха будет столько, что никакие молитвы не помогут». Но в истерике, которая была, на слова Дуси никто не обратил внимания. Когда врачи сказали, что больше ничем помочь не в силах, мать взяла Сашеньку на руки, прижала, стала гладить, целовать, и девочка снова задышала. К утру температура вдруг спала, и сделалось ясно, что кризис миновал. Дальше, если Бог захочет, она пойдет на поправку.

Сашенька, благо после той ночи мать ни на минуту не спускала ее с рук, приходила в себя буквально на глазах. Однако на третий день температура ни с того ни с сего снова поднялась. Рецидива никто не ждал, и сделать ничего не успели. Болезнь сразу перекинулась на мозг, девочка сгорела буквально за сутки. Всё это до такой степени было страшно и несправедливо, что и сейчас, через четверть века, мало что смягчилось.

Потом были похороны. Хоронили на Востряковском кладбище, где у Звягинцевых был свой участок. Отец Сашеньки, Ваня, еще держался, а мать была черная, опухшая от слез. Идти сама она не могла: две подруги, взяв под руки, фактически ее несли. Когда гроб уже должны были опустить в могилу, Ирина против обычая попроси-

ла последний раз снять крышку. Ее послушались. Пришедших проститься была чуть не сотня человек. Перед ними на атласной подушке вне всяких сомнений лежал ангел, только, вопреки природе, умерший. По-моему, те, кто был, тогда просто испугались класть Сашеньку в землю и, не зная, как всё остановить, один за другим стали говорить о ней будто о живой.

Рабочие с веревками и лопатами стояли поодаль, но скоро им надоело ждать, и, показывая, чтобы с похоронами поторопились, они подошли ближе. Может быть, так получилось случайно, но впереди шла Дуся. Человек святой жизни, она была большая молитвословица, и я подумал, что Дуся найдет слова, которые хоть как-то примирят нас с Сашенькиной смертью. Это было необходимо и Звягинцевым, и остальным. Но сказано было следующее: плакать нечего, она, Дуся, отпела девочку еще четыре дня назад, и тогда же Сашенька должна была отдать Богу душу. Однако на первый раз матери удалось отомолить, выпросить ее у Господа. А зря. Оставь Боженька ей жизнь — девочка превратилась бы в исчадь ада, многих бы погубила, ввела в грех и соблазн. Потому она, Дуся, и вмешалась. Пока Сашенька не совершила ничего предосудительного, ее ждут спасение и вечная жизнь, иначе же гореть в геенне огненной. И — словно кость — бросила Ирине: что матери невинных детей после смерти пребывают с ними в одном месте.

Сказанное на кладбище всех поразило, но не меньше меня потрясло, что Ваня и Ирина, родители девочки, которую она фактически убила, не порвали с Дусей отношения, наоборот, сошлись

с юродивой еще теснее. Почти год Дуся дневала у них и ночевала. Звягинцевы и раньше держались с ней благоговейно, теперь же и вовсе лебезили, едва ли не пресмыкались, будто раз она сумела вымолить у Господа смерть Сашеньки, сумеет вымолить и ее воскрешение. Говорили, что они даже молятся вместе, вслед за юродивой благодарят Господа, что он забрал их единственную дочь, не дал ей вырасти и стать орудием в руках дьявола. Не знаю, так это было или не так, но однажды я понял, что не могу больше видеть, как они целуют ей руки, беспрестанно причитают: Дусенька, милая Дусенька. Мои родители тоже продолжали с Дусей общаться, а я, когда знал, что она должна появиться у нас дома, заранее уходил. Потом на Молчановке у меня появилась своя комната, и, наверное, лет семь я Дусю вообще не встречал. Кое-какие отношения возобновились лишь после гибели ее сына Сережи, которого я с детства очень любил и которому многим был обязан.

После смерти дочки Ирина начала попивать. Иногда она будто приходила в себя, говорила, что должна родить другого ребенка, это дело решенное, иначе ей не выкарабкаться, но тут же снова слетала с катушек. Впрочем, могла ли она иметь еще детей (предыдущие роды были очень тяжелые), хотела ли их, — я не знаю. В моем присутствии одна из ее подруг как-то сказала своей матери, что со дня похорон Сашеньки мужа она к себе не подпускает.

Странный треугольник из Дуси и Звягинцевых продержался чуть больше года. Потом Ваня уехал в Белоярск, где наши продолжали строить первую ядерную электростанцию (он был хороший физик-

экспериментатор), Ирина же еще до его отъезда пустилась во все тяжкие. Кажется, чего-то похожего ждали. Вслед за отъездом Вани перестала у них бывать и Дуся.

Иринин разврат был страшен тем, что никакого удовольствия не приносил, даже не помогал забыть. Природа создала ее целомудренной, и, став Ваниной женой, никем, кроме него, интересоваться она не умела. Ирина была хороша собой, но безразличие к другим мужчинам было настолько прочно, что до Сашиной смерти за ней никто и не пытался ухаживать. Думаю, у ее блядства была цель. Она считала, что так, ценой собственного спасения, докажет Господу, что Он не должен был забирать у нее Сашеньку. Что без ее дочки мир не стал лучше, наоборот, зла сделалось больше.

Она и вправду за три года неведомо зачем разбила полтора десятка семей. Сходилась с одним, с другим, меняя, тасуя партнеров, с некоторыми жила неделю, у кого-то задерживалась и на полгода, но всех рано или поздно бросала. Позже, когда уже пила по-крупному, любила говорить, что утром первым делом не зубы чистит, а любопытствует, с кем на сей раз провела ночь. И всё же, сколько Ирина ни гуляла, сколько ни пыталась изображать шлюху, она ни у кого ничему не обучилась. И, проблядовав десять лет, осталась в сущности прежней — христианской женой, для которой у постели одно оправдание — зачатие.

Я не знаю, что для нас делало ее столь желанной. Кто-то, наверное, надеялся разбудить Ирину чувственность, что бы там ни было, стать у нее первым, других манила ее красота, но мы

равно терпели неудачу. И так получалось, что разрыв с ней никому с рук легко не сошел. Не я один доживал жизнь, зная, что Ирина была в ней главной женщиной, и эта женщина никогда меня не любила, лишь использовала в споре с Богом. Для Дусиного же сына Сережи дело обернулось и того хуже.

По свидетельству Дуси, ее духовник, епископ Амвросий, в двадцать шестом году, незадолго перед своим новым арестом, в разговоре заметил, что все мы запутались в двух соседних стихах Евангелия от Матфея: «И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (18:3), и другом: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (18:6).

Впервые я решил, что должен обо всём написать — в Салехарде, почти тридцать лет назад. Саша еще была жива, мир был обычный, не лучше и не хуже, во всяком случае, людей, которых я ни при каких условиях не готов был простить, в нем не было. Зла вокруг, конечно, было пруд пруди, но было и добро, в общем, поднатужась, концы с концами свести удавалось. К тому же после пяти сезонов на Севере я уже кое-что знал и умел. Получается, что в моей жизни это вроде водораздела. Отсюда неплохо просматривался прежний путь, и разглядеть, куда я направляюсь, тоже казалось нетрудным. Дальше дорога должна была идти под уклон, но я на сей счет не печалился.